

...а взгляд его был прикован только к Цзян Нин.

— Как же красиво!

Цзян Нин подплыла к Гу Сяо и прижалась к нему.

— Милый, давай приедем сюда и в следующем году, хорошо?

— Хорошо.

Цзян Нин, видя, как в глазах Гу Сяо отражается лишь она одна, внезапно обхватила его за шею и страстно поцеловала. Она до безумия любила этот его взгляд, в котором не было никого, кроме неё.

Ещё когда Гу Сяо пообещал ей не вмешиваться в любовные дела Гу Лэ, задание Цзян Нин было выполнено. По сути, она могла уйти сразу после этого, но... сердце не позволяло ей оставить Гу Сяо. Такой мужчина, не знающий желаний и страстей, вдруг вспылал к ней столь сильной любовью. Эта любовь пронизывала каждый аспект его жизни, становясь неотъемлемой частью и её собственного существования.

Если она уйдёт, то оставит вместо себя копию, чтобы никто не заметил подвоха. Но будет ли нужна Гу Сяо кукла без души? Цзян Нин могла бы не ломать над этим голову — в конце концов, после её ухода жизнь Гу Сяо больше не имела бы к ней отношения. Однако одна только мысль об этом причиняла ей боль.

Потому что... она давным-давно полюбила Гу Сяо. Она хотела остаться ради него. Стать его женой. На всю жизнь.

Снег продолжал идти. В горячем источнике, над которым поднимался пар, больше никого не было. В роскошном люксе, на широкой кровати, две фигуры сплелись в одно целое. Близкие, неразлучные.

— Нин-бао, я так сильно, так бесконечно тебя люблю.

— М-м, я тоже тебя люблю, больше всего на свете.

Мир завершён.

Фальшивая невинная дева-лотос и монах, решивший сделать её своей женой (часть 1)

Цзян Нин находилась в этом мире уже несколько дней. Когда она только попала сюда, то обнаружила, что всё её тело погружено в воду. Она в панике попыталась вырваться, но тело не слушалось, словно намертво вросшее в дно водоёма. Приняв воспоминания носителя, Цзян Нин в оцепенении осознала: теперь она — всего лишь лотос, распустившийся в пруду.

Не успела она толком полюбоваться собой, как заморосил дождь. Сначала крупные капли с шумом падали в воду, разбегаясь кругами, а затем хлынул настоящий ливень. Цзян Нин чувствовала себя промокшей до нитки и хотела спрятаться, ведь нежные лепестки больно страдали от тяжёлых ударов дождя. Когда ты человек, промокнуть под дождём — пустяк, но сейчас она была лишь хрупким цветком.

Дождь начался внезапно и так же быстро стих. А вместе с ним появился монах. Его простая ряса промокла насквозь, а соломенная шляпа скрывала лицо. Лишь когда он зашёл в беседку неподалёку, чтобы передохнуть, он снял шляпу. Его лицо оказалось удивительно красивым, от одного взгляда на него захватывало дух. Он поправил намокшую одежду, сел прямо на пол и, закрыв глаза, погрузился в медитацию, даже не пытаясь просушить рясу.

Дождь закончился. Капли воды, скатывавшиеся с лепестков лотоса, падали в пруд, словно слюнки у Цзян Нин. Увидев лицо монаха, она тут же потеряла голову: где ещё в этом пруду встретишь такого красавца? Среди прохожих, любовавшихся лотосами, попадались привлекательные мужчины, но никто из них не шёл ни в какое сравнение с этим монахом.

Неудивительно, что о нём ходили такие слухи. Говорили, что монах из храма Душуй не только обладает могущественной магией, но и невероятно хорош собой. А некоторые даже утверждали, что его Юань-ян способен многократно усилить магию любой демонической сущности. Было ли это правдой — вопрос, но даже одни лишь слухи делали монаха лакомым кусочком. Каждая демоница мечтала затащить его в мир смертных и завладеть его энергией.

Но... никому это не удавалось. Одни говорили, что он убивает демонов, другие — что просто хватает их. Слухи плодились один за другим, и истину было не разобрать. Но в одном Цзян Нин убедилась сразу: монах действительно был прекрасен. Даже лысая голова не портила его, а лишь добавляла некой божественности. Сидя там и читая сутры, он невольно давил на Цзян Нин своим присутствием, заставляя её держаться подальше. И всё же, пользуясь тем, что она лишь цветок, она без стеснения пялилась на него.

Монах сидел в беседке, глаза закрыты, от него веяло холодным равнодушием, словно он был отрезан от мира, и в то же время он притягивал как магнит.

— Этот монах... до чего же хорош, — не успела Цзян Нин осознать, что произнесла это вслух, как продолжала смотреть на него, не моргая.

Внезапно монах открыл глаза. Его взгляд был холодным и ясным. Он встретился с пристальным взглядом Цзян Нин.

— Ой? Он что, смотрит на меня?

Сказав это, Цзян Нин внезапно почувствовала что-то странное. Она что, может говорить? Словно только сейчас осознав это, она радостно закричала:

— Эй, монах, ты меня слышишь?

Ей нужно было доказать себе, что она действительно обрела дар речи. Ведь до этого она столько всего наговорила про себя! Если бы прохожие слышали её ворчание, они бы давно сорвали её хрупкий стебель от злости.

Монах, который только что сидел неподвижно, словно не замечая ничего вокруг, вдруг вскочил. Даже не взяв шляпу, он выбежал из беседки, и его спина выглядела до странности растерянной.

— Эй, почему он убежал? Если подумать, лотос, внезапно заговоривший человеческим голосом, — это действительно шокирует. Но разве он не мастер по поимке демонов? Каких только тварей он не видел. Я ведь просто сказала пару слов, неужели стоило так пугаться и бежать без оглядки?

— Погодите!!!

— Почему у меня выросли руки!!!

— Буль-буль...

— Ой, буль-буль...

Девушка, которая только что ворчала, вдруг соскользнула с листа лотоса и с головой ушла под воду. Наглотавшись воды, она чуть не захлебнулась. С трудом найдя опору, Цзян Нин выбралась на влажную землю.

— Пфу-пфу-пфу! — она принялась выплёвывать воду, смешанную с грязью.

Вода в пруду была ни тёплой, ни холодной, но для неё, только что обретшей человеческий облик, постоянное пребывание в ней было мучением. Она ещё не умела толком пользоваться магией. Сначала она попыталась сосредоточить духовную энергию внутри себя, чтобы сотворить одежду. Вылетев из пруда, Цзян Нин приземлилась на дорожку, ведущую к беседке.

Она вошла внутрь и встала там, где недавно медитировал монах. В воздухе витал тонкий аромат сандала — такой же холодный и чистый, как и сам монах. Цзян Нин подняла брошенную шляпу. Самая обычная вещь, но когда её носил тот монах, она придавала ему вид

загадочного мастера.

В любом случае, такая новоиспечённая демоница, как она, не смела приближаться к нему. Аура монаха была кристально чистой, что для демонов служило мощнейшим источником энергии. Но самое притягательное — самое опасное. Все говорили, что он убивает демонов, так почему же его аура оставалась такой чистой? Он давно должен был превратиться в демонического монаха, пропитанного злом.

Цзян Нин опустила взгляд на шляпу, нежно коснулась её кончиками пальцев, и на её губах заиграла улыбка. Интересно...

— Амитабха...

Уван всю дорогу читал сутры, но не мог выбросить из головы тот миг. Его поспешное бегство было недостойным. Ему следовало поймать того демона, что смутил его разум. Демонов, искавших встречи с ним, было не счесть, и все они, конечно, обладали яркой внешностью. Но он никогда ни на кого не смотрел. Ещё когда он постригся в монахи, он отрёкся от мирских привязанностей. Раз он монах, как он может поддаться чувствам?

Уван выровнял дыхание, подавил лишние мысли и двинулся обратно. А Цзян Нин в это время сидела на перилах беседки, глядя на пруд с лотосами.

Фальшивая невинная дева-лотос и монах, решивший сделать её своей женой (часть 2)

Надо сказать, этот пруд, полный лотосов, каждый из которых был нежно-розовым, смотрелся особенно изящно на фоне зелёных листьев. Цзян Нин увидела своё отражение в воде — пусть нечёткое, но невероятно красивое. Она с самолюбованием оценила свою внешность: Ой, до чего же я хороша!

Она даже не заметила, как кто-то подошёл. Печать Будды ударила её, она потеряла равновесие и полетела прямо в пруд.

— Ой-ой-ой-ой!

Цзян Нин замахала руками, но не упала в воду — некая сила подхватила её и бережно опустила на землю. Получив удар без причины, она была ошарашена. Подняв голову, она увидела того самого монаха, который только что ушёл. Он стоял неподалёку, боком к ней, с закрытыми глазами. Руки сложены в молитвенном жесте, пальцы перебирают чётки, вид по-прежнему холодный и отчуждённый.

— Монах? Ты вернулся! Ты не ушёл!

Увидев, что он вернулся, Цзян Нин не испугалась, а, наоборот, с улыбкой поднялась с земли и

направилась к нему. Внезапно невидимая сила прижала её к земле, заставив встать на колени.

— Монах? — Цзян Нин захлопала своими невинными глазами, в которых стояли слёзы, готовые вот-вот пролиться. Она ведь только что приняла человеческий облик, разве не естественно быть такой наивной и глупой?

Монах даже не взглянул на неё. К тому времени, как он засунул её в мешок, Цзян Нин так и не поняла, чем же она его прогневала.

— Злой монах! Выпусти меня немедленно!!! У-у-у, здесь так темно, я не хочу здесь сидеть...

Она провела в тёмном мешке целую вечность, ей казалось, что прошли уже многие дни. Чем это отличается от заточения в тёмной камере? Она скоро задохнётся! От мольбы она перешла к горьким слезам. Она вела себя как ребёнок, который кланится у взрослого конфету, а тот не даёт. На самом деле, прошло всего полдня.

Уван всю дорогу слышал её мольбы. Она постоянно повторяла одно и то же: выпустить её. Самое обидное слово, которое она смогла придумать, было — злой монах.

Добравшись до постоялого двора в уезде Ян, Уван наконец смог переодеться. Он сел за стол и налил себе воды.

Какая тишина. Уван нахмурился, не понимая, откуда взялась эта мысль. Он взглянул на мешок, висевший на стене. Сейчас там было тихо, никаких звуков.

Вскоре слуга принёс еду — несколько овощных блюд и паровые булочки. Уван уже собирался откусить булочку, как снова услышал голос демоницы.

— М-м, как вкусно пахнет! Ой, почему мой живот урчит...

Уван проигнорировал её бормотание, взял палочки и начал есть.

— Монах, монах, ты меня слышишь? Я что, умираю? У меня совсем нет сил, живот так болит.

Если бы он не хотел её слышать, достаточно было наложить заклинание тишины на мешок. Уван и сам не знал, почему не сделал этого. Он беззвучно вздохнул и с помощью магии открыл мешок.

Цзян Нин в мгновение ока оказалась на свободе. Монах сидел за столом и неторопливо ел. Аромат исходил от того, что было у него в руках. Одурманенная запахом, Цзян Нин бросилась вперёд, схватила его за руку и откусила кусок от булочки, которую он уже начал есть.

— М-м! Вкусно!

Пусть это была самая простая булочка, но для голодной Цзян Нин она казалась божественным лакомством. Не успев проглотить первый кусок, она откусила ещё, и через пару мгновений от булочки ничего не осталось. Её губы неизбежно коснулись пальцев монаха.

От этого влажного и мягкого прикосновения Уван оцепенел. Вернее сказать, он замер ещё до того, как она на него набросилась. Всегда бдительный, он позволил этой демонице отобрать у него еду. Глядя на капли воды, оставшиеся на его большом пальце, Уван нахмурился так, что, казалось, мог раздавить муху. Он пожалел, что выпустил её.

Цзян Нин с трудом прожевала украденное, её щёки были набиты едой. Почувствовав исходящую от монаха тяжёлую ауру, она испуганно отпустила его руку и отползла подальше. Она широко раскрытыми глазами следила за каждым его движением. Если он решит снова засунуть её в мешок, она тут же использует магию и сбежит. В конце концов, она на территории людей, можно устроить шум и воспользоваться неразберихой.

Ела она слишком быстро и вдруг подавилась, начав судорожно кашлять. Вскоре перед ней возникли красивые руки. Ей влили в рот чашку чая, и ей стало легче. Лицо демоницы покраснелось от кашля, из глаз текли слёзы. Глаза были влажными, на длинных ресницах дрожали капельки воды, уголки глаз слегка покраснели.

Уван отставил чашку и снова начал читать сутры. Он в очередной раз пожалел, что поймал её.

В конце концов, Цзян Нин снова оказалась в мешке. Но перед этим вся еда монаха перекочевала в её желудок. Она не знала, куда он идёт, но они продолжали путь. Цзян Нин всегда было о чём поговорить, в мешке было слишком скучно, и если она не найдёт себе развлечение, то точно сойдёт с ума. Иногда монах выпускал её поесть, но больше она не смела отбирать у него еду, как в первый раз. Он всегда держался на расстоянии и давал ей порцию отдельно.

Монах ни разу не ответил ей, что бы она ни говорила.

— Монах, ты так долго идёшь, куда мы направляемся?

Цзян Нин обнимала жареную куриную ножку, её лицо было перепачкано жиром, а глаза не отрывались от монаха. Он был слишком хорош, она не могла им налюбоваться. Она думала, что он, как всегда, будет читать сутры и игнорировать её.

— Юнчэн.

В воздухе повисла тишина, но лишь на мгновение. Цзян Нин так обрадовалась, что даже забыла про куриную ножку, её глаза засияли.

— Монах! Ты наконец-то ответил мне!

Она была счастлива даже больше, чем когда он купил ей курицу. Столько времени прошло, и он наконец заговорил!

Фальшивая невинная дева-лотос и монах, решивший сделать её своей женой (часть 3)

— Монах, зачем ты едешь в Юнчэн? Я слышала от прохожих, что это город, но он гораздо беднее других. Ты сможешь купить мне там жареную курицу?

Цзян Нин продолжала грызть ножку, глядя на Увана с детской непосредственностью. В её сердце и мыслях была только еда. Несмотря на то что она была взрослой, её глаза оставались чистыми, как у ребёнка. Возможно, именно поэтому Уван проявлял к ней столько снисходительности. Она была всего лишь демоницей, не знающей жизни.

Не получив ответа, Цзян Нин бросила ножку и, держа её в руке, медленно поползла к монаху. Всё это время она ела только вегетарианскую пищу, но, проходя мимо улиц, чувствовала другие запахи. Аромат дразнил её, слюнки текли ручьём. Она ныла всю дорогу, пока монах не согласился купить ей курицу.

Как раз когда она почти доползла до него, монах заговорил:

— Ловить демонов.

Сказав эти два слова, он снова закрыл глаза и принялся читать сутры. Цзян Нин поняла, что он снова не намерен с ней разговаривать. Она просто села рядом, склонив голову. Она не хотела признавать, что была влюблена в него, но монах был не только красив, его аура была для неё редким и ценным источником энергии. Куда лучше любой куриной ножки.

У него были бледные, красивой формы губы, которые так и хотелось попробовать на вкус.

— Монах, мы знакомы столько времени, а я до сих пор не знаю, как тебя зовут. Меня зовут Цзян Нин.

— Уван.

— Уван, Уван, почему у тебя такое имя?

Уван слегка приоткрыл глаза и бросил на неё холодный взгляд. Цзян Нин тут же глупо хихикнула.

— Уван, давай договоримся. Раз мы уже обменялись именами, значит, мы знакомы. Можешь не сажать меня больше в тот мешок? Я правда не люблю там сидеть, я там просто задыхаюсь.

Она положила куриную ножку на тарелку и вытерла жирные руки об одежду. Уван снова нахмурился, словно не в силах вынести её неряшливости. Увидев, что он недоволен, Цзян Нин надулась и отодвинулась.

Уван внезапно встал и вышел, лишь полы его рясы мелькнули в дверях.

— Почему он всегда такой переменчивый? — пробормотала Цзян Нин. Она опять что-то не то сказала? Она всего лишь попросила свободы, с какой стати он так на неё смотрит!

Цзян Нин надулась от обиды. Но не успел Уван выйти, как вернулся. Цзян Нин тут же спрятала эмоции и посмотрела на него. Увидев, что он принёс таз с водой, она широко раскрытыми глазами уставилась на его действия.

<http://bllate.org/book/22208/2315184>